

Он уже всё продумал: как только Чао Цы вернет себе память и они помирятся, он заберет его в Мир Богов. Если Чао Цы и его семья пожелают, он заберет и их. Старший брат Чао Цы с этого дня станет и его братом — он ни в чем не даст им нуждаться. С тех пор они рука об руку проживут целую жизнь, познав, что значит быть божественной четой.

— Целую жизнь?

— Да. Сяо Цы, я люблю тебя. Отныне ты будешь моим единственным Даосским спутником, и я никогда тебя не предаю.

Он произнес это с такой серьезностью, словно давал клятву самим Небесам.

— Ты любишь меня? — Чао Цы чуть повысил голос, а затем не сдержался и рассмеялся.

Он смеялся долго, и лишь когда лицо Цзинь Яо стало неприятно искажаться, с трудом остановился.

— Я говорю это не в пылу гнева, — произнес Чао Цы. Хотя его глаза еще были слегка припухшими, в них не осталось ни капли влаги.

Те слезы, что пролились недавно, вовсе не были оплакиванием их завершившихся отношений.

Он действительно говорил не в сердцах. Эти слова стали итогом сдерживаемой глубокой обиды, ненависти и полного разочарования. Он не хотел раздражаться бранью или язвить, лишь бы не ввязываться в бесконечные разборки.

Цзинь Яо смотрел на юношу, и, кажется, смысл его слов наконец дошел до него. В горле пересохло. Он не ожидал, что, вернув память, юноша окажется настолько непреклонен.

— Может, побудешь несколько дней в одиночестве, чтобы остыть? Я приду позже, — сказал Цзинь Яо и уже собрался подняться.

— Не нужно. Я не на эмоциях и не пытаюсь тебя задеть. Ты — Верховный бог, неужели ты до сих пор намерен обманывать самого себя?

Чао Цы поднял взгляд на Цзинь Яо. В его выражении не было ни тени колебания или привязанности — только отвращение и насмешка. Бессмертный по-настоящему запаниковал.

— Прекрати нести этот вздор. Не надейся на мое прощение и даже не думай, что мы сможем помириться, — Чао Цы утомился от назойливости Цзинь Яо и решил высказать всё начистоту.

— Раньше я любил тебя, вышел за тебя замуж, навязывался, думал, что приношу жертвы... Все это было лишь моим односторонним желанием, к тебе оно отношения не имело.

— Но ты использовал меня, чтобы пройти испытание чувств, и, не считаясь с моим желанием, силой стер мою память... Я что, какая-то вещь? Попользовался и выбросил? С чего ты вообще взял, что мы можем начать все сначала?

— И ты еще смеешь говорить, что не предашь меня? Смешно. С чего ты взял, что имеешь право так говорить? После всего, что ты натворил, кто тебе поверит?

— Ты правда меня любишь? Боюсь, что нет. Просто я раньше был до нелепости глуп, носил тебя на руках, вот ты и не можешь забыть это чувство, — в его словах зазвучала неприкрытая злоба. — Боюсь, если я действительно помирюсь с тобой, ты тут же выкинешь меня, как старую ветошь.

— Никогда, — отрезал Цзинь Яо. — Я могу поклясться своим Сердцем Дао. Если нарушу слово, Небесный Путь уничтожит мое Дао.

— Мне не нужны твои гарантии любви, потому что ты мне противен! Ты понимаешь? Даже если ты вырвешь свое сердце и положишь передо мной, я не взгляну на него! — Чао Цы окончательно вышел из себя. — А теперь — вон!

Он указал на дверь, больше не глядя на Цзинь Яо.

Он всегда был избалованным отпрыском знатного рода: любил — так до обожания, ненавидел — так до глубины души. Когда он любил человека, был готов отдать ему все самое лучшее, а когда ненавидел — не стеснялся в самых ядовитых словах. Он не хотел опускаться до такого, но Цзинь Яо сам напросился.

Выражение лица Цзинь Яо сменялось несколько раз, но он так и не проронил ни слова. Развернулся и ушел.

— Ваше Превосходительство... — Сымин, опустив голову, осторожно позвал его.

Человек напротив него прислонился к краю кровати. Сквозь редкий лунный свет проступал его высокий и статный силуэт, а на ткани из акулье шелка тускло мерцал вышитый серебряный дракон. Даже в полумраке его облик источал неземное величие.

С тех пор как Цзинь Яо вернулся сюда после расставания с Чао Цы, он не проронил ни слова.

— Он действительно так сильно меня ненавидит, — наконец произнес Цзинь Яо.

— Ох, Ваше Превосходительство... Вы далеки от мирской суеты, поэтому и не понимаете, —

ответил Сымин. — Чувства смертных именно таковы: когда любовь пылает, они готовы отдать жизнь, но как только появляется трещина, о былом не остается и следа. Прошлое осталось в прошлом.

Бессмертный Владыка Сымин управлял судьбами существ в Море Смертных и давно привык к подобному.

— В таком случае, мы не можем ничего требовать силой. Лучше отпустить, — попытался убедить его Сымин.

Честно говоря, если бы он сам был на месте Чао Цы, он бы тоже не смог помириться с Его Превосходительством. Кто бы такое выдержал? Столько лет добиваться человека, думая, что искренность растопит лед, а в итоге осознать, что тебя держали за дурака и использовали для прохождения испытания чувств. Мало того, что выкинули, как ненужную вещь, так еще и стерли память. А теперь, когда он решил, что сожалеет, — это вообще курам на смех. Выходит, все должно быть только так, как хочется вам?

Впрочем, Сымин понимал, что и он сам, и его господин зашли слишком далеко. Но он уже не был невинным ребенком, верящим в справедливость. В глазах богов смертные не стоили того, чтобы слишком долго о них размышлять.

— Вон! — Цзинь Яо резко сел и взмахом рукава развеял божественную душу Сымина.

Душа Сымина едва не рассеялась окончательно, но, к счастью, Цзинь Яо не собирался его убивать. С трудом собрав остатки своего духа, Сымин забился в угол и больше не смел проронить ни слова.

Чао Цы вчера попросил Цяо Пэя дать ему время на раздумья, и срок истекал сегодня. К счастью, Цяо Пэй не пришел во время ужина, позволив Чао Цы спокойно поесть и набраться сил для предстоящей актерской игры.

После ужина Чао Цы вышел прогуляться во двор и как раз столкнулся с пришедшим Цяо Пэем.

— Как прошел день? — Цяо Пэй подошел к нему и с заботой спросил. В последние дни он был очень занят и почти не появлялся. — Биюнь сказала, что ты два дня не выходил из покоев. Плохое настроение? Скучно сидеть взаперти?

— Нет, просто каждый день гулять тоже утомительно, решил отдохнуть пару дней, — ответил Чао Цы.

Они вошли в дом. Цяо Пэй снял с юноши верхнюю одежду и передал служанке.

— Ты обдумал то, о чем я просил вчера? — осторожно начал Цяо Пэй.

Хотя внезапное появление Цзинь Яо заставило его понервничать, он все же не хотел давить на юношу.

Чао Цы повернулся к нему. В его глазах, обычно чистых и невинных, сейчас читалось нечто сложное. Любит ли он Цяо Пэя? Сложно сказать.

Их дружба длилась более десяти лет. Они выросли вместе. Цяо Пэй с детства был красив, а повзрослев, стал еще выше и статнее. Но из-за того, что они знали друг друга с пеленок, Чао Цы, который всегда ценил красоту, никогда не смотрел на брата как на объект воздыхания.

Однако, оставшись в Да Юэ в полном одиночестве, он чувствовал себя так, будто остался на всем белом свете один. Даже если бы он погиб в этом хаосе, никто бы не узнал и не оплакал его. Он влачил существование, подобно ходячему мертвецу, иногда не понимая, зачем вообще живет — возможно, лишь из-за смутного страха перед смертью.

Может, он погибнет в следующем голоде или в огне войны... Что ж, тоже неплохо.

В такое смутное время он, Чао Цы, еще легко отделался: по крайней мере, первая половина его жизни прошла безмятежно. Но Цяо Пэй проехал тысячи ли, чтобы найти его в Да Юэ и вернуть в Империю Е, к старшему брату.

Это было похоже на то, как будто его внезапно вытащили из ада и перенесли в рай, а все прошлые страдания показались лишь смутным сном. И что еще больше удивило его — Цяо Пэй признался ему в любви.

Сначала Чао Цы был поражен, ведь он никогда не рассматривал такой возможности. Но после того, как он отбросил старые стереотипы и взглянул на Цяо Пэя как на потенциального спутника, он понял, что в этом нет ничего плохого.

Цяо Пэй красив — это уже удовлетворяло девяносто процентов его требований. К тому же у них общие интересы, и Цяо Пэй во всем ему потакает. А их десятилетняя дружба была тем, с чем никто другой не мог сравниться. Если так посчитать, Цяо Пэй был идеальным кандидатом.

К тому же он был благодарен Цяо Пэю. Раз уж они так подходят друг другу, Чао Цы был готов попробовать. Жизнь в скитаниях изменила его, сгладила углы и научила понимать суть вещей.

Теперь он думал, что спутник жизни — это и есть тот, кто любит, балует и понимает тебя... Чего еще желать?

Что касается той провальной любви, о ней не стоило и вспоминать. Даже если Цяо Пэй действительно хотел убить Цзинь Яо... Он никогда не был святым, Чао Цы это знал. Он слышал,

как Цяо Пэй казнил сто тысяч пленных. В такое время это было нормой, разве мог он винить его в жестокости?

Если бы Цзинь Яо был просто знакомым, Чао Цы, возможно, затаил бы обиду. Но теперь Цзинь Яо был для него не просто чужаком, а врагом. Неужели он должен заступаться за него?

— Я решил, — сказал Чао Цы.

Цяо Пэй смотрел на него, и в его взгляде читалось нескрываемое напряжение. Чао Цы не удержался и улыбнулся:

— Чего нервничаешь? Конечно, я согласен.

Он увидел, как глаза Цяо Пэя загорелись, словно он услышал самую лучшую новость в мире. Даже уголки его глаз подернулись радостью.

— Правда?

— Разве я могу взять свои слова назад? Ну, тогда я передумал, — Чао Цы приподнял бровь.

Цяо Пэй ущипнул его за щеку и проворчал:

— Нельзя! Никаких передумок!

— Тогда зячем спгашиваешь (Тогда зачем спрашиваешь), — возмущенно пробормотал Чао Цы.

Цяо Пэй отпустил его и, словно доставая сокровище, вынул из рукава бумажку:

— На самом деле, вчера я уже просил Управление по делам астрономии рассчитать дату. Начало следующего месяца — редкий благоприятный день. Давай назначим свадьбу на это время?

Чао Цы лишился дара речи:

— Ты с ума сошел? Осталось меньше двух месяцев. Ты же теперь император, за два месяца даже наши свадебные наряды не успеют сшить!

Он внезапно вспомнил, как во время свадьбы с Цзинь Яо тот тоже был нетерпелив. Но даже самые сложные свадьбы знатных родов не могли сравниться с императорскими. Одну только мантию дракона вышивали год.

— Мы найдем больше людей, успеем. Если считаешь, что слишком поспешно, потом устроим еще более пышное торжество, — сказал Цяо Пэй.

Цзинь Яо вернулся, и он не мог больше ждать.

Чао Цы не знал, смеяться или плакать:

— Ты думаешь, это детская игра? Две свадьбы? Ладно, тебе виднее. Я не против скромной церемонии.

Цяо Пэй взял его за руку, бережно прижимая к себе.

— Не говори глупостей. Я не позволю никому смотреть на тебя свысока.

— Ладно, ладно, пусть будет по-твоему, — смирился Чао Цы. — Только не заставляй вышивальщиц и мастеров работать на износ.

Юноша всегда называл себя злодеем, но был добрее всех. Цяо Пэй тепло улыбнулся:

— Разумеется.

Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Чао Цы все равно нечем было заняться, поэтому он просто ждал, попутно развлекаясь. Поскольку свадьба была не за горами, Чао Цзюэ забрал брата из дворца. Сейчас, если не воспользоваться моментом, потом может не представиться шанса.

Что касается Цзинь Яо, который был заперт в поместье клана Чао, то после того, как Чао Цы восстановил память, он покинул его — играть роль дальше не имело смысла. Позже он несколько раз приходил к Чао Цы, но тот каждый раз безжалостно его выгонял.

Сымин, пришедший в Мир Смертных лишь как часть души Цзинь Яо, тоже вернулся в Мир Богов вслед за ним.

Свадебный наряд Чао Цы был готов в срок — до свадьбы оставалось всего несколько дней. Слуги во дворце принесли его на примерку. На самом деле это была лишь формальность: не стоит недооценивать мастеров, работающих на императорскую семью — их одежда всегда сидела идеально.

Так вышло и в этот раз. Чао Цы, который всегда выглядел великолепно в красном, в этом

наряде казался еще краше: лицо, словно выточенное из нефрита, алые губы, белые зубы и брови, похожие на картину. Служанки Биюнь без умолку расхваливали его, доводя до смеха.

Однако внезапно они упали в обморок. Чао Цы вздрогнул, а затем все понял. Этот человек снова пришел.

У него возникло дурное предчувствие. Раньше, хотя этот человек и был назойлив, появляясь без приглашения, он всегда выбирал моменты, когда Чао Цы был один. Но так, чтобы усыпить всех вокруг — это впервые.

— Что ты опять задумал?! — Чао Цы нахмурился, теряя терпение.

Как только он закончил фразу, перед ним возник бог в белых одеждах с черными волосами. Раньше, когда он приходил, то хотя бы делал вид, что просит прощения. Но сейчас его лицо было мрачным, а в глазах мерцали кровавые блики. Он был высок, и, глядя на Чао Цы сверху вниз с таким выражением, выглядел пугающе.

Чао Цы даже опешил:

— К чему такой вид?

— Ты собираешься жениться?

Человек произнес это по слогам, сквозь зубы. Его взгляд был прикован к свадебному наряду на Чао Цы. Юноша взглянул на свою одежду и понял причину такой реакции.

— Да, — прямо ответил он.

Цзинь Яо посмотрел на него, и его лицо стало еще страшнее:

— ...На ком?

Чао Цы не сдержался и усмехнулся:

— Неужели на тебе?

— На... ком? — его голос стал еще ниже и глубже, казалось, он был на грани терпения.

— На Цяо Пэе, — ответил Чао Цы.

Разум Цзинь Яо рухнул вместе с этими словами. Его глаза налились кровью, и этот ужасающий вид заставил даже Чао Цы почувствовать страх.

Чао Цы невольно отступил на шаг. Заметив страх юноши, Цзинь Яо замер, силясь найти хоть каплю здравомыслия в бушующей жажде убийства. Он глухо произнес:

— Не позволю.

Если Чао Цы сейчас передумает, он его простит. Иначе, стоило ему представить, что Чао Цы будет принадлежать кому-то другому, как перед глазами вставала кровавая пелена. Он не знал, на что способен в таком состоянии.

Чао Цы было страшно, но эти нелепые слова вывели его из себя:

— Ты не позволишь? С какой стати? Кем ты мне приходишься?

— Чао Цы считает, что между нами не осталось любви, только старые счеты. У меня нет сил мстить тебе, и я не хочу больше иметь с тобой ничего общего. Цзинь Яо, если ты сейчас вернешься в свой Мир Богов, я буду благодарен тебе за то, что ты умеешь вовремя отступить. Но если ты продолжишь упорствовать, это будет выглядеть жалко.

— Моя свадьба с Цяо Пэем — кто угодно может быть против, кроме тебя, — закончил Чао Цы и направился к выходу, не желая продолжать этот разговор.

Последние остатки разума покинули Цзинь Яо. Перед глазами все застлало красным. Он опустил веки, скрывая жажду убийства:

— А ты не боишься, что я убью Цяо Пэя? Я могу убить не только его, но и всю Империю Е, Северные земли и даже Шесть миров...

— Тогда иди и убей! — Чао Цы обернулся, и в его глазах впервые вспыхнула ярость. — Посмотрим, не умру ли я раньше них!

Зрачки Цзинь Яо на мгновение превратились в звериные вертикальные щели. Техника изменения облика больше не могла их скрыть. Золотые вертикальные зрачки выглядели невероятно красиво, но один взгляд на них внушал леденящий страх.

— Ха, — глядя вслед юноше, он тихо рассмеялся.

Юноша в свадебном наряде был так же ослепительно прекрасен, как в его воспоминаниях, но теперь он был облачен в него не ради него. Он даже готов был рискнуть собственной жизнью ради другого человека, угрожая ему.

День свадьбы наступил быстро. Хотя Чао Цы держался твердо, последние дни прошли в тревоге. Как бы он ни презирал Цзинь Яо, опасность, исходящая от этого человека, внушала опасения. Он лишь надеялся, что его угроза подействовала.

Когда настал день свадьбы, он с облегчением выдохнул. Раз уж дошло до этого, значит, он... отступил?

Он — Верховный бог, к чему ему цепляться за простого смертного? Скорее всего, его просто задело, что Чао Цы больше не вращается вокруг него, вот он и злился.

Еще до рассвета его подняли служанки, и после долгих сборов он наконец был готов. Когда пришло время, Чао Цзюэ провожал его из поместья. Его всегда холодный и сдержанный старший брат сейчас едва сдерживал слезы.

Чао Цы не знал, что сказать, и лишь улыбнулся:

— Брат, чего ты как будто дочь замуж выдаешь? Я иду в мужья к императору, буду жить в роскоши и еще смогу тебя прикрыть!

В Северных землях не было принято делить супругов на старших и младших. Статус обеих сторон был равен. Поэтому, когда Цзинь Яо приходил к нему, он тоже называл себя мужем Чао Цы, а Чао Цы — своим мужем.

Конечно, по логике вещей, брак с императором подразумевал, что вторая сторона занимает подчиненное положение. Поэтому Цяо Пэй за эти два месяца не только готовился к свадьбе, но и приказал переписать законы, чтобы юридически закрепить отношения между императором и императрицей-мужчиной.

<http://bllate.org/book/22189/2312429>